

Пролог

В большой холодной женской спальне образцово-показательного детского дома номер двадцать три стояло пронзительно жутковатое зловоние. Только извращенец-токсикоман мог получать удовольствие, вдыхая запах, исходивший от неухоженных и давно не мытых детских тел. В спальне обитали тридцать пять воспитанниц — от восьми до семнадцати лет. И все они были несчастны. Несчастье их состояло в том, что, будучи сиротами и полусиротами, девочки были лишены детства и являлись личной собственностью администрации детского дома. Если мальчики с утра до вечера пахали на стройках, садах и огородах своих учителей, то девочки были секс-рабынями. Физрук, трудовик, историк, врач, охранники, завхоз — каждый из этих мужчин имел по несколько наложниц. Все об этом знали. Все было в порядке вещей. И детям, свыкшимся со своим бесправным положением, оставалось только ждать — либо усыновления, либо совершеннолетия.

Семнадцатилетняя девочка по прозвищу Белка (именами и фамилиями здесь не пользовались) в эту ночь не спала, так как ожидала вызова к директору. Она была любимой игрушкой директора, и ей многие завидовали. Директором образцово-

показательного детского дома номер двадцать три был депутат облсовета, заслуженный учитель страны Антон Семенович Макаров.

Он считал педагогику и педофилию родными сестрами. Причем педофилия была старшей. Он с любовью отбирал маленьких девочек и развращал их до появления первых половых признаков — растительности на лобке и под мышками и начала менструального цикла. Как только появлялись месячные, он терял к девочке всякий интерес и она тут же становилась всеобщим достоянием. Это значило, что ею могли пользоваться не только мужики-преподаватели, но и мальчики-детдомовцы. А они это делали, как правило, грубо и коллективно. Белка росла красивым, ушлым и коварным ребенком. Она видела, что ожидает тех, кто пробовал бежать, жаловаться и не подчиняться. Беглецов ловили и жестоко наказывали. Жалобщиков заставляли прилюдно, прямо на линейке, есть кал и запивать его мочой. А непокорных усмиряли голодом и побоями.

Белка не походила на остальных. Увидев один раз, как восемь мальчиков водили «хороводы» вокруг десятилетней девочки, она дала себе слово в этих «танцах» не участвовать. Для этого из всех зол она выбрала большее. А большим как раз и оказался Антон Семенович. Разузнав у подружек по секрету, в какие игры он любит играть, она сумела стать его постоянной любовницей. В одиннадцать лет она называла пятидесятилетнего извращенца «любимым мальчиком» и предлагала разнообразить

их игры. Дело в том, что Антон Семенович любил играть в «дочки-матери», в «больницу», в «военнопленных» и прочие «безобидные» детские игры. Только до Белки он играл один на один с очередной жертвой, а Белка постоянно придумывала новые варианты игр, внося в них огромное разнообразие. Постепенно она стала незаменимой для директора, то есть его первым заместителем по секс-досугу. К тому же Белка приобрела огромное влияние на жизнь и быт детского дома. От нее теперь многое зависело. С ней считались, ее дружбы искали. Она сумела стать фавориткой, ее любили и ненавидели.

Впервые попав к Антону Семеновичу, как и все, в десять лет, она, стерпев боль и унижение, вместо слез и просьб о пощаде сильнее прижалась к взрослому мужчине своим маленьким детским телом и начала шептать на ухо уроду нежные и загадочные слова, смысл которых сама до конца не понимала. Она так возбудила и удивила своего «учителя», что он с нетерпением и любопытством ожидал следующего раза. Следующий раз был лучше предыдущего — и так постоянно. В двенадцать лет она предложила позвать еще одну девочку, чтобы попробовать втроем, потом двух девочек, чтобы Антоша получил двойное удовольствие, а она бы посмотрела...

Чтобы не погружаться глубже в эту выгребную яму, а дна там, увы, нет, Белка, удивляясь самой себе, сумела из военнопленной стать главным надзирателем в советском образцово-показательном

сексуальном концлагере. У нее одной были красивые платья и белье. Своя косметика и бижутерия. Отдельный угол у окна в общей спальне и отдельный стол со спецпитанием в столовой.

Контролирующие органы всегда были довольны результатами проверки, так как в подсобном хозяйстве юные натуралисты выращивали кроликов для столовой обкома партии.

И вообще, Антон Семенович был очень гостеприимным хозяином и умел удовлетворять все гастрономические и эротические фантазии своих гостей, таких, как, например, завоблоно, которая была женой крупного партийного функционера и известной в городе лесбиянкой. А так как все оргии снимались им на пленку, то у него скопилось достаточно компромата и на начальство, и на силовиков, тоже не брезгующих «свежатинкой». Поэтому лозунг «За твердую макаренковскую линию в советской педагогике!», висевший на фасаде здания, был выполняем и всегда актуален.

Трудовой коллектив образцового детского дома был довольно сплоченным.

Если и попадались непонятливые преподаватели, то им быстро объясняли, что к чему. И они либо подчинялись общим правилам, либо исчезали бесследно. Один журналист молодежной газеты, осмелившийся описать быт и нравы детского дома по своему, трагически погиб в автокатастрофе, а юная выпускница педагогического института повесилась в котельной из-за «несчастной любви», не оставив даже прощальной записки.

Таким образом, жизнь в образцово-показательном детском доме текла размеренно и спокойно. Практически без эксцессов и ЧП. А если кто-то из детей умирал — так все мы смертны...

Преподаватели регулярно получали премии и благодарности, а дети на смотрах и конкурсах благодарили партию и правительство за свое «счастливое» детство.

Белка не то чтобы была счастлива — она еще не знала, что это такое, — но, приняв условия этой игры, умудрилась выиграть. Став лживой и коварной, она сумела выбиться в лидеры, не дав себя растоптать. С десяти до семнадцати лет, участвуя в этом изнурительном марафоне на выживание, Белка набралась такого жизненного опыта, которого иным хватило бы на десять жизней.

Она понятия не имела, что такое хорошо, так как хорошего в своей ранней сиротской доле видела мало. Но зато что такое плохо, она узнала сполна. И прекрасно научилась разбираться в людях и экстремальных ситуациях. Она точно знала, как будет выстраивать свою дальнейшую жизнь и что в этой жизни будет главным, а что второстепенным.

Господи! Спаси и сохрани!

Глава 1

Один раз в месяц, в последнее его воскресенье, Порфирий Степанович Мамин вот уже много лет подряд выполнял один и тот же приятный и очень важный для себя ритуал. В своем небольшом частном доме на окраине города он зашторивал окна, отодвигал книжную полку, доставал из сейфа, вмонтированного в стену, пухлые папки и проводил инвентаризацию прошлого. В некоторых папках хранились документы и фотографии, касающиеся непосредственно его самого, а в некоторых были картотеки, содержащие досье на интересующих его людей.

Голицын Антон Януарьевич, кличка Князь. Капитан милиции, старший оперуполномоченный. Двадцати восьми-тридцати лет. Высокий, спортсмен, красавец, умница, любит жизнь, свою работу. Правильный мент, впереди длинная и счастливая жизнь.

Кротов Николай Иванович, кличка Крот. Капитан милиции, старший оперуполномоченный. Язва желудка, гипертония, разведен, алиментщик, год до пенсии. Любит только свою работу и ни с кем ей не изменяет. Правильный мент.

Дубцов Иван Иванович, кличка Дуб, кличка Ваня-Ваня. Майор милиции, начальник убойного отде-